Ю. Б. Епихина

Важность дохода для субъективного благополучия¹

DOI: 10.19181/INAB.2020.1.5

Епихина Юлия Борисовна

Институт социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: epikhina@gmail.com

РИНЦ AuthorID 750638

Для цитирования: Епихина Ю. Б. Важность дохода для субъективного благополучия // ИНАБ. 2020. № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. С. 75-94 . DOI: 10.19181/INAB.2020.1.5

Аннотация. В статье рассмотрены основные подходы зарубежного и отечественного обществоведения к анализу роли дохода в формировании субъективного благополучия. На данных исследования «Факторы социального благополучия в изменяющемся и стабильном обществах» апробирован новый подход к анализу связи дохода и субъективного благополучия, включающий рассмотрение смысловых моделей благополучия, а также типологизацию благополучия на основе оценок достаточности различных ресурсов. На основе модели множественной линейной регрессии выявлена иерархия факторов, определяющих оценку субъективного благополучия.

Ключевые слова: доход, социальное благополучие, обеспеченность.

Середина 1960-х гг. в Европе и США была отмечена небывалым экономическим ростом. На фоне экономического процветания было открыто явление, описанное в книге Г. Мердала «Challenge to Affluence» и получившее название андеркласса. Важным стал следующий вывод: экономический рост не распространяется на все группы населения. В условиях экономического процветания нашлись социальные группы, которые не только не получили отдачи от экономического роста, но оказались в затруднительном материальном положении. Это поставило двойную проблему в социальных науках: во-первых, об экономическом росте как «тотальном» благе, бенефициарами которого выступают все социальные группы; во-вторых, о значении экономических факторов для субъективного социального благополучия.

В российской социологии тема социального благополучия появилась в 1990-е гг. в связи с проводимыми реформами, транзитарным характером российского общества. Первоначально она интерпретировалась, скорее, как социальное неблагополучие и была частью анализа меняющейся социальной структуры и обнищания, ухудшения материального положения большинства российского населения (см.: [Гордон 2001; Косова, Кларк 1998]).

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант N 19-011-00522 «Факторы социального благополучия в изменяющемся и стабильном обществах» (руководитель – чл.-корр. РАН М. Ф. Черныш)

Социальное благополучие, счастье и удовлетворенность жизнью: взаимосвязь и разграничение понятий

В публикациях, посвященных социальному благополучию, зачастую не проводится различий между счастьем, удовлетворенностью жизнью и благополучием, которые выступают как синонимы [Easterlin 2001: 465]. Эта особенность отмечается в обзорах, в которых предпринимается попытка систематизировать как теоретические подходы к определению социального благополучия, так и полученные на их основе эмпирические данные (см.: [McLellan et al., 2012: 8; Сушко, 2020]). Подобная взаимосвязь понятий имеет теоретические основания. Например, в статье «Субъективное благополучие» Э. Динер отмечает, что исследовательское поле социального благополучия включает четыре направления: удовлетворенность, счастье, моральное состояние и позитивный эффект (positive affect) [Diener, 1984: 542]. В статье, посвященной субъективному благополучию и опубликованной в «Энциклопедии исследований качества жизни и благополучия», К. Проктор перечисляет такие синонимы социального благополучия, как счастье, уровень гедонизма, индивидуальное благополучие, удовлетворенность жизнью, нравственность и субъективное благополучие [Encyclopedia of quality..., 2014: 6437].

Существует и критика использования синонимичных понятий, обозначающих «все хорошее в нашей жизни», в исследованиях социального благополучия (см.: [Веенховен, 2000]). Российским ученым на данных исследований разных лет удалось показать, что для российского массового сознания «счастье» и «удовлетворенность жизнью» не являются синонимичными. На основе данных RUSSET В. Е. Сарис и А. В. Андрееenkova показали, что счастье соотносится, прежде всего, с личными событиями в жизни, такими как, например, успешный брак, тогда как удовлетворенность жизнью связана с экономическими факторами (финансовая ситуация домохозяйства) [Sarıs, Andreenkova, 2001: 108]. Вывод авторов о том, что в российском массовом сознании удовлетворенность жизнью и счастье не синонимичны и не могут быть взаимозаменяемыми понятиями, подтвердился впоследствии на данных RLMS-HSE [Козырева и др., 2015]. По данным исследователей, «в 2013 г. около 26% респондентов, считающих себя счастливыми (“очень счастливы” и “довольно счастливы”), не смогли с большой долей уверенности указать, что удовлетворены своей жизнью в целом» [Козырева и др., 2015: 125].

В ряде работ предпринимается попытка разграничить социальное благополучие, счастье и удовлетворенность жизнью. В таком случае счастье и удовлетворенность жизнью предстоят разными аспектами, измерениями социального благополучия. При этом удовлетворенность жизнью отвечает за когнитивный аспект социального благополучия, его внешнюю сторону и факторы [Кученкова, 2016: 123; Андрееenkova, 2010: 189], а счастье – внутреннюю, эмоциональную сторону. Наряду с этим в отечественных работах можно встретить и другое понимание удовлетворенности жизнью, в рамках которого она интерпретируется как производное «от чувств, ощущений и переживаний человека и не обязательно напрямую связана с непосредственным опытом» [Латова 2017: 66].

Анализ взаимосвязи социального благополучия и дохода

Вопрос о том, в какой степени и каким образом связаны социальное благополучие и доход (деньги), начал волновать ученых с самого начала исследований социального благополучия. Существуют два подхода к анализу связи социального благополучия и дохода. В первом из них исследовательский вопрос ставится о том, насколько необходимы деньги (доход) для социального благополучия? Во втором – изучается вопрос о том, каков потенциал денег, их способность способствовать росту социального благополучия? Двум вариантам исследовательского вопроса соответствуют два типа аналитических стратегий. Основу первой стратегии составляет анализ субъективных оценок дохода, в основе второй – анализ реальных доходов.

В обзорной статье, посвященной исследованиям связи дохода и субъективного благополучия, Э. Динер и Р. Бисвас-Динер отмечают, что сама зависимость субъективного благополучия от дохода не подвергаются сомнению. Наличие такой зависимости подтверждается результатами многочисленных исследований. Вопросы возникают относительно содержания и характера такой связи [Diener, Biswas-Diener, 2002]. Прежде всего, наблюдаются расхождения по вопросу об универсальной важности дохода для субъективного благополучия. Имеется в виду, что связь дохода с субъективным благополучием не является однозначной для всех доходных групп. Наряду с данными, которые показывают, что доход обуславливает оценку субъективного благополучия во всех доходных группах, существуют результаты исследований, согласно которым связь двух показателей ослабевает в наиболее богатых группах.

По поводу «парадокса Истерлина» также наблюдаются расхождения в исследовательских результатах. В 1974 г. Р. Истерлин, анализируя данные различных исследований по доходу и счастью, обнаружил два противоречия, касающиеся связи этих показателей. Первое заключалось в том, что закономерность, связывающая доход и счастье, оказывалась устойчивой для внутристрановых данных, но не находила однозначного подтверждения на межстрановом уровне. Второе противоречие возникло при изучении временных рядов. Приводя данные по изменению уровня счастья в США с 1946 по 1970 г., Истерлин обратил внимание на отсутствие линейности в изменениях. Так, с 1946 по 1953 г. доля счастливых американцев увеличилась с 39 до 53%, но с 1957 по 1970 г. уменьшилась с 53 до 43% [Easterlin, 1974: 109]. Таким образом, общий прирост счастья с 1946 по 1970 г. составил 4 п. п., при том что экономический рост в этот период был значительным. Приводимые Истерлином межстрановые данные по уровню счастья и данные по динамике уровня счастья в США показали неоднозначность связи и ограниченность связи дохода и счастья: экономический рост не приводит к общему повышению уровня счастья, бедные страны не обязательно «несчастнее» богатых.

В дальнейшем верность «парадокса Истерлина» неоднократно проверялась на различных данных. Результаты оказывались противоречивыми. Наряду с исследованиями, в которых подтверждалось, что экономический рост сопровождается повышением уровня счастья, появлялись и исследования, результаты которых говорили о том, что значение экономического роста для повышения уровня счастья нивелировалось конфликтными ситуациями внутри общества.

Исследователи расходятся также во мнении о том, насколько продолжительным может быть эффект от изменения дохода для субъективного благополучия? По данному вопросу существуют две точки зрения. Согласно первой из них, улучшение экономических условий имеет кратковременный эффект для повышения уровня субъективного благополучия, так как люди быстро адаптируются к изменившейся ситуации. Согласно альтернативной точке зрения, эффект от позитивных экономических изменений является долговременным, так как доход лежит в основе удовлетворения универсальных потребностей.

Таким образом, согласно обзору Динера и Бисваса-Динера, эффект от дохода для субъективного благополучия может быть как прямым и приводящим к повышению его уровня, так и опосредованным другими социальными факторами, подчас размывающими связь этих показателей. Например, Д. Дамладэг на данных исследования «Жизнь в переходный период», проведенного в 2010 г., показал, как сказывается относительный доход на субъективном благополучии (удовлетворенности жизнью) в странах разного типа. В транзитивных странах оценки, фиксирующие снижение дохода, приводят к снижению оценки удовлетворенности жизнью, тогда как мнение о повышении дохода позитивно сказывается на оценке удовлетворенности жизнью. Подобная прямая связь двух показателей не воспроизводится на данных развитых европейских стран, в которых влияние на удовлетворенность жизнью оказывают оценки, фиксирующие не повышение, а снижение дохода [Dumludag, 2014]. Иначе говоря, не только доход сам по себе, его изменение оказываются важными для оценки субъективного благополучия, но более широкий социально-экономический контекст, в котором такие изменения происходят. Улучшение собственной доходной ситуации может не отразиться на оценках субъективного благополучия, если речь идет о развитых европейских странах, и повысить удовлетворенность жизнью в странах переходного типа.

Российские исследования связи дохода и удовлетворенности жизнью

На основе обзора российских публикаций, в которых приводятся результаты анализа взаимосвязи удовлетворенности жизнью и доходом, можно сделать вывод о разнообразии используемых данных, показателей и методик анализа.

В. Е. Сарис одним из первых проанализировал связь субъективного благополучия и дохода на российских данных [Saris, 2001]. Исследователь исходил из предположения о взаимном влиянии переменных, отвечающих за удовлетворенность и субъективное благополучие. Его модель в качестве таких переменных включала удовлетворенность браком, жилищными условиями и доходом. Итоговая модель показала всеохватывающую обусловленность оценок экономическими факторами (т. е. удовлетворенностью доходом). С учетом того, что анализ проводился на данных, полученных в 1993–1995 гг., характеризующиеся политической и экономической нестабильностью, обрушением уровня жизни большинства населения, доминирующее значение дохода для оценки субъективного благополучия объяснялось, исходя из теории потребностей А. Маслоу: если материальные основы общества остаются неустойчивыми (экономическая стабиль-

ность не достигнута), именно материальная сторона жизни, озабоченность ею являются приоритетными для людей.

Н. В. Андрееenkova проанализировала связь удовлетворенности жизнью с различными факторами на данных ESS за 2006 г. [Андрееenkova, 2010]. Согласно её расчетам, удовлетворены жизнью 43% российских респондентов, что означает 23-е место по данному показателю в числе 25 стран, принявших участие в исследовании [Андрееenkova, 2010: 198]. Автор рассматривает связь удовлетворенности жизни с доходом при помощи двух показателей: субъективной оценки дохода и величины дохода, выраженной в абсолютных цифрах. Коэффициент корреляционной связи удовлетворенности жизнью с субъективной оценкой дохода составляет 0,24 (при уровне значимости 0,001) [Андрееenkova, 2010: 202]. Наряду с этим наблюдаются существенные различия по удовлетворенности жизнью в группах, дифференцированных по величине дохода. Так, доля неудовлетворенных жизнью в группе бедных составила 58%, тогда как в группе богатых – всего 10%. Такие данные свидетельствуют не только о том, что удовлетворенность жизнью напрямую связана с доходом, но и о том, что такая связь наиболее существенна для групп с низким уровнем дохода. По мере увеличения дохода связь удовлетворенности жизни с доходом ослабевает. По результатам регрессионной модели, рассчитывающей влияние социально-демографических факторов на удовлетворенность жизнью, уровень дохода относится к числу наиболее весомых факторов (весомее только субъективная оценка здоровья). Положительный знак коэффициента позволяет сделать вывод о том, что с возрастанием дохода возрастает и удовлетворенность жизнью. [Андрееenkova, 2010: 206]. Выявленная роль «доходного» фактора для удовлетворенности жизнью подтвердилась и на данных ESS за 2012 г. Согласно модели множественной регрессии, доход оказался третьим по весомости социально-структурным фактором, влияющим на удовлетворенность жизнью (коэффициент Beta 0,186) после субъективной оценки здоровья (коэффициент Beta 0,223) и положения на социальной лестнице (коэффициент Beta 0,206) [Андрееenkova, Андрееenkova, 2019: 73].

К выводу о зависимости субъективного благополучия и от уровня материального положения приходит Е. О. Смолева, проанализировавшая данные ESS за 2018 г. Исследователь приводит данные, согласно которым вариант ответа, связывающий благополучие с материальным достатком, чаще выбирают нуждающиеся респонденты, нежели те, кто находится в более благоприятной ситуации [Смолева 2020: 155]. Кроме того, наблюдается зависимость уровня счастья от величины реального дохода россиян (показатели счастья увеличиваются с ростом годового дохода), а также от субъективной оценки дохода [Смолева 2020: 158].

М. Ф. Черныш, проанализировав на данных 26-й волны RLMS-HSE¹ (2018 г.) связь дохода и состояния счастья, пришел к выводу, что «доход не столько абсолютная, сколько относительная, реляционная переменная»

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>)

[Черныш, 2019: 25]. Такой вывод сделан по результатам сравнения средних значений дохода в группах, различающихся по самооценке счастья: хотя средние величины дохода и значимо различаются, средний доход в группе «очень счастливых» оказался на уровне 500 долларов, что с трудом соответствует среднеклассовому доходу. Вывод об относительном значении дохода для счастья подтвердился при анализе связи уровня счастья и удовлетворенности доходом: «не столько уровень доходов влияет на переменную счастья, сколько удовлетворённость доходом, ощущение того, что доход адекватен той ситуации, в которой находится респондент» [Черныш, 2019: 25].

В ряду публикаций, представляющих результаты анализа факторов, определяющих социальное благополучие, на данных Европейского социального исследования (ESS) за 2012 г., необходимо упомянуть и статью Г. Г. Татаровой и А. В. Кученковой [Татарова, Кученкова, 2016]. Опуская подробности методического описания проведенного анализа, приведем его результаты, к которым относится выявление факторной структуры социального благополучия. Один из пяти факторов объединил такие показатели, как удовлетворенность жизнью, счастье, доход, удовлетворенность здоровьем, уверенность в своих силах [Татарова, Кученкова, 2016: 29]. При этом, доход представляет собой шкалу субъективной оценки, градации которой варьируются от «1» – «не испытываем материальных затруднений» до «4» – «на такой доход жить очень трудно».

Для проверки зависимости удовлетворенности жизнью от материальных условий и дохода российские исследователи тестировали и применимость парадокса Истерлина. Л. А. Родионова на основе данных RLMS-HSE за 2000–2012 гг. проанализировала влияние на уровень удовлетворенности жизни социально-демографических (пол, возраст, образование, семейный статус, состояние здоровье) и материальных факторов (логарифм дохода, наличие автомобиля и собственного жилья) [Родионова 2014]. По результатам пробит-модели сделан вывод о значимости материальных факторов для повышения удовлетворенности жизнью: не только доход, но и наличие собственного жилья и автомобиля увеличивают вероятность быть счастливым. При этом возможности дохода наращивать удовлетворенность жизнью ограничены: быстрый прирост удовлетворенности жизнью в связи с ростом дохода наблюдается у респондентов с небольшими доходами и замедляется в том случае, когда сумма дохода превышает 60 тыс. руб.

Результаты проверки парадокса Истерлина на данных RLMS-HSE (2000–2016 гг.) приведены в статье А. В. Ларина и С. В. Филясова [Ларин, Филясов, 2018]. В качестве зависимой была выбрана переменная удовлетворенности материальным положением, а ключевой объясняющей переменной – реальный доход. По результатам модели ARDL авторы сделали вывод о том, что парадокс Истерлина подтверждается и те или иные изменения имеют значение для удовлетворенности доходом лишь в краткосрочной перспективе.

Данные об удовлетворенности жизни россиян проанализированы в статье Н. Е. Тихоновой, представляющей результаты исследования, выполненного Институтом социологии РАН при поддержке РНФ осенью 2014 г. на общероссийской выборке в 4000 респондентов, репре-

зентирующей российское население по региону проживания, а внутри него по основным социально-демографическим показателям (пол, возраст, тип поселения). Согласно приводимым данным, 36% опрошенных полагают, что в целом жизнь складывается хорошо (противоположной точки зрения придерживались 31% респондентов) [Тихонова, 2015: 21]. По мнению Тихоновой, не столько уровень доходов, сколько субъективная удовлетворенность своим материальным положением имеет наибольшее значение для удовлетворенности жизнью. Исследователь отмечает, что если россияне довольны своим материальным положением, то в большинстве случаев они довольны и своей жизнью в целом. Вместе с тем, не существует линейной зависимости между удовлетворенностью материальным положением и удовлетворенностью жизнью. Те, кто дает невысокие оценки своему материальному положению (удовлетворительное или даже плохое) в целом не считают свою жизнь плохой. Исследователь делает вывод, что не столько уровень доходов или удовлетворительность материальным положением важны для удовлетворенности жизнью, сколько удовлетворенность своим положением в обществе (статус). По данным, приводимым Тихоновой, «коэффициент Спирмена для удовлетворенности своим материальным положением и жизнью в целом составляет 0,491», «для удовлетворенности жизнью и своим статусом в обществе он намного выше, достигая 0,580» [Тихонова 2015: 22].

Помимо определения весомости «доходного» фактора в формировании субъективного благополучия, российские исследователи применяют и другой подход, основанный на анализе факторов благополучия при помощи интегральных индексов.

Материальное благополучие как один из факторов, определяющих удовлетворенность жизнью, включен Е. В. Балацким в интегральный индекс [Балацкий, 2005]. При этом материальное благополучие определяется как наличие определенного ресурса (нормальное жилье, одежда, питание) и как возможность обеспечить себе и своей семье значимые социальные услуги (медицинские, образовательные). Анализ проведен на данных опроса, реализованного ВЦИОМ в июле 2005 г. Согласно результатам, представленным Е. В. Балацким, вклад фактора «материальное положение семьи» в удовлетворенность жизнью составляет 6,61% и значительно уступает таким факторам, как «отношения в семье» (12,48%), «дружба, общение» (10,44%), «состояние здоровья» (8,97%) и др. [Балацкий 2005: 47]. При этом индекс важности «материального фактора» один из самых высоких (94,6%, важнее только здоровье – 95,9%).

Краткий обзор исследований, посвященных поиску связи уровня субъективного благополучия и дохода (материального положения) (см. табл. 1), позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на различия в базах данных, аналитических стратегиях, доход, независимо от способов операционализации (субъективная оценка дохода, величина реального дохода и т. д.), является одним из ведущих факторов, обуславливающих уровень субъективного благополучия.

Таблица 1

Российские исследования, посвященные поиску связи уровня субъективного благополучия и дохода

Название исследования, год проведения	Авторы	Измерение социального благополучия	Тип дохода	Результат
RUSSET 1993–1995 гг.	W. E Saris (2001)	Удовлетворенность жизнью	Удовлетворенность доходом	Доминирующее влияние удовлетворенности доходом на оценку субъективного благополучия.
ВЦИОМ, 2005	Е. В. Балацкий	Удовлетворенность жизнью	Часть интегрального индекса	Фактор материального положения семьи значительно уступает таким факторам, как отношения в семье, дружба, общение, оценка здоровья в определении благополучия.
ESS, 2006 г.	Н. В. Андрееenkova (2010)	Удовлетворенность жизнью	Субъективная оценка дохода Величина дохода	Тесная прямая связь удовлетворенности жизни с доходом.
ESS, 2012	Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова	Определение факторной структуры благополучия	Субъективная оценка дохода	На первом этапе факторизации субъективная оценка дохода – часть фактора наряду с удовлетворенностью жизнью, счастьем, удовлетворенностью здоровьем и уверенностью в собственных силах
ESS, 2012	А. В. Андрееenkova, Н. В. Андрееenkova (2010)	Удовлетворенность жизнью	Субъективная оценка дохода	Субъективная оценка третий по влиянию в числе факторов, определяющих уровень удовлетворенности жизнью.
ESS, 2018	О. Е. Смолева	Удовлетворенность жизнью, счастье	Субъективная оценка дохода, величина реального дохода	Тесная прямая связь удовлетворенности жизни с доходом.
RLMS-HSE, 2018	М. Ф. Черныш	Счастье	Субъективная оценка дохода, величина реального дохода	Вывод об относительном значении дохода для состояния счастья. Важен не столько доход сам по себе, сколько понимание его достаточности, адекватности жизненной ситуации.
RLMS-HSE, 2000–2012	Л. А. Родионова	Удовлетворенность жизнью	Логарифм дохода	Подтверждение гипотезы Истерлина
RLMS-HSE, 2000–2016	А. В. Ларин, С. В. Филисов	Удовлетворенность материальным положением	Реальный доход	Подтверждение гипотезы Истерлина
Мониторинг ИС РАН, 2014	Н. Е. Тихонова	Удовлетворенность жизнью	Удовлетворенность доходом	Важен не доход и даже не удовлетворенность доходом, а удовлетворенность своим положением в обществе

Будучи установленной на данных 1990-х гг., такая взаимосвязь сохраняется на протяжении всего постсоветского времени. Вместе с тем, результаты исследований свидетельствуют и о том, что влияние дохода на уровень социального благополучия имеет и ограничения: проявляясь с наибольшей силой в малообеспеченных и низкодоходных группах, утрачивает свое влияние в группах со средними и выше среднего доходами. Кроме того, важным для состояния благополучия является не только доход сам по себе, но и его соответствие, адекватность текущей жизненной ситуации.

Оценка благополучия в целом

Роль материального фактора в формировании благополучия изучалась в исследовании «Факторы социального благополучия в изменяющемся и стабильном обществах». Эмпирическая часть исследования была реализована в июне–сентябре 2020 г. методом массового опроса по комбинированной выборке общим объемом в 5021 респондент. Комбинированный характер выборки, сочетающей опрос жителей городов численностью свыше 50 тыс. жителей по онлайн-анкете с опросом по месту жительства жителей населенных пунктов с численностью меньше 50 тыс. и сельских поселений, был обусловлен необходимостью проведения исследования в условиях эпидемиологических ограничений.

Особенность подхода к субъективному благополучию в этом исследовании заключается в том, что наряду с вопросами об удовлетворенности жизнью и счастье, которые, как указывалось выше, обычно выступают показателями социального благополучия, респондентам задавался прямой вопрос: как бы они оценили свой уровень благополучия в настоящее время? Для оценки предлагалось использовать шкалу, на которой «1» означала «крайнее неблагополучие», а «10» – «наивысший уровень благополучия». Итоговое распределение ответов представлено на рис. 1. Средняя оценка составила 5,31 (при стандартном отклонении 1,78).

Помимо вопроса об оценке уровня благополучия, респондентам предлагалось оценить также уровень своего материального благополучия, используя десятибалльную шкалу, на которой «1» означало «самые неблагоприятные», а «10» – «самые благополучные». В среднем российские граждане оценивают свой уровень материального благополучия на 4,87 (при стандартном отклонении 1,68). При том что в среднем уровень материального благополучия оценивается респондентами ниже, чем уровень благополучия, между двумя показателями существует тесная корреляционная связь (0,672 при уровне значимости 0,000). Это говорит о том, что благополучие в целом, как комплексная оценка жизни, не исчерпывается материальной составляющей, оценки двух показателей могут не совпадать, хотя связь с материальным благополучием и прослеживается. В меньшей степени оценка благополучия связана с удовлетворенностью доходом (коэффициент корреляции 0,522 при уровне значимости 0,000). Иными словами, полученные результаты в целом соответствуют и подтверждают выводы, сделанные ранее российскими исследователями: субъективное благополучие связано с материальным благополучием, однако эта связь не универсальна.

Рис. 1. Распределение ответов по вопросу об оценке уровня материального благополучия и благополучия в целом, % от ответивших

Исследование позволяет применить новый подход к анализу связи субъективного благополучия и дохода, расширить поле аналитических возможностей применительно к этой теме и рассмотреть связь двух показателей через представления о благополучии и оценку достаточности жизненных условий для того, чтобы чувствовать себя благополучным.

Деньги и обеспеченность как часть представлений о благополучии

Как следует из представленного выше обзора, связь дохода и субъективного благополучия изучалась исходя из представления о благополучии как двухчастного понятия, включающего когнитивную компоненту (оценку удовлетворенности жизнью в целом) и эмоциональную (счастье). При этом практически не ставился вопрос о том, какие смыслы вкладывают сами респонденты в понятие благополучия. Вместе с тем, как показали разные исследователи, структура благополучия может состоять из факторов, различающихся в зависимости от этапа жизненного цикла и социально-демографических характеристик [Татарова, Кученкова 2016].

В большинстве случаев понятие благополучия интерпретируется как удовлетворенность жизнью или счастье. Но совпадает ли эта исследовательская трактовка с тем, как представляют себе благополучие россияне? В ходе опроса респондентов просили выбрать из списка, включающего 22 позиции, не более пяти слов, которые наилучшим образом характеризуют состояние благополучия. В этот список были включены не только материальные компоненты, которые являются обычными для исследований благополучия (деньги, работа, семья и пр.), но и нематериальные, которые относятся как к эмоциональной сфере (любовь, дружба), так и к сфере морали (честность, свобода, вера) и идей (равенство).

Согласно полученным данным, 43,1% опрошенных выбрали деньги в качестве одного из пяти слов, характеризующих состояние благополучия, что является третьим по популярности ответом после здоровья (60,1%) и семьи (54,7%). Близкое по смыслу слово «обеспеченность» оказалось на пятом месте, доля выбравших его респондентов составила 35,2%.

Варианты ответов на вопрос о том, что характеризует благополучие наилучшим образом, были переведены в дихотомические переменные, ставшие основой для проведения двухэтапного кластерного анализа, в результате которого были получены три кластера (рис. 2).

Рис. 2. Распределение кластеров в пространстве характеристик благополучия, % от ответивших

Как видно из рис. 2, каждый из полученных кластеров тяготеет к определенному набору характеристик. Первый кластер (назовем его «Семейный», его доля составляет 31,8%) объединяет тех, для кого благополучие прежде всего связано с семьей, детьми и здоровьем. Представители «Семейного» кластера чаще, чем второй и третий кластер, в качестве слов, характеризующих благополучие, выбирали семью (78,2%), детей (93,4%) и здоровье (71,8%).

В третий кластер (назовем его «Денежный»), насчитывающий 31,5%, вошли респонденты, для которых основной характеристикой благополучия выступают деньги. Деньги в качестве слова, характеризующего

благополучие, выбрали 100% представителей этого кластера (во втором – 0,1%, в первом – 36,1%). Кроме того, «Денежный» кластер в своем понимании благополучия ориентирован на здоровье (56,0%), стабильность (35,5%) и работу (24,9%).

Особенностью второго кластера (назовем его «Сбалансированный») является то, что в отличие от первых двух, он не считает деньги характеристикой благополучия. Представители этого кластера чаще, чем первый и третий, выбирали такие элементы, которые не связаны с материальными составляющими. Например, треть кластера (33,9%) выбрали в качестве одной из основных характеристик благополучия спокойствие (в первом кластере такой выбор сделали – 18,1%, во втором – 23,8%), около одной пятой (19,6%) – честность (в первом кластере – 8,2%, во втором – 12,2%), примерно столько же (20,4%) – свободу (в первом кластере – 6,8%, во втором – 14,1%). Наряду с этим во втором кластере больше, чем в первом и третьем, тех, кто связывает благополучие с обеспеченностью. Во втором кластере доля выбравших обеспеченность в качестве характеристики благополучия составляет 42,4%, в первом – 30,4%, в третьем – 32,0%. Иными словами, второй кластер объединил респондентов, обладающих сбалансированным взглядом на благополучие, в котором сочетаются материальные и нематериальные составляющие.

Наличие трех кластеров, представители которых демонстрируют разные предпочтения в том, что наилучшим образом характеризует благополучие, свидетельствует о том, что благополучие является комплексным показателем, содержание которого может варьироваться в зависимости как от социальных условий, так и ценностных представлений [Шилова, 2019] и этапа жизненного цикла [Татарова Кученкова, 2016].

Сравнение трех кластеров по социально-демографическим характеристикам позволяет сделать вывод о том, что «Денежный» кластер существенно отличается от двух других кластеров по ряду параметров. Во-первых, представители третьего кластера значимо моложе, чем представители первого и второго кластеров. Если средний возраст третьего кластера равен 39,01, то средний возраст «Семейного» кластера составляет 43,2 года, «Сбалансированного» – 41,03 (различия в средних значимы по результатам ANOVA, $F = 35,216$ при уровне значимости 0,000).

Три кластера значимо различаются по полу. Более половины «Денежного» кластера составляют мужчины (53,0%), большинство первого кластера – это женщины (61,3%). Распределение по полу в «Сбалансированном» кластере выглядит наиболее приближенным к общероссийскому: мужчины составляют 48,5%, женщины – 51,5%.

Значимых различий в уровне образования не наблюдается. Во всех трех кластерах более половины составляют респонденты, получившие высшее образование.

Сравнение кластеров по семейному положению показывает, что «Семейный» кластер, акцентирующий в своем выборе элементы семейного благополучия, почти на две трети состоит из респондентов, состоящих в браке (62,2%). Доля состоящих в браке во втором и третьем кластерах существенно меньше (46,6 и 44,6% соответственно).

По уровню материального положения (на основе шкалы самоидентификации с доходными группами) наименее обеспеченным выглядит «Денежный» кластер: почти четверть представителей этого кластера (24,0%) при оценке своего материального положения выбрали нижние пункты шкалы («Денег не хватает на самое необходимое...» и «Денег хватает на то, чтобы платить за коммуналку и на самые дешевые продукты...», в первом кластере совокупная доля таких ответов – 21,2%, во втором – 16,1%). Самооценка дохода по шкале идентификации согласуется с самооценкой материального благополучия. В среднем «Денежный» кластер оценивает уровень своего материального благополучия ниже (среднее 4,70), чем представители первого (среднее 4,84) и второго (среднее 5,03) кластеров (различия в средних значимы по результатам ANOVA, $F = 16,019$ при уровне значимости 0,000).

Таким образом, первый кластер – «Семейный» – представлен преимущественно женщинами старшего возраста, состоящими в браке; второй кластер – «Сбалансированный», не связывающий благополучие с деньгами, оказывается наиболее обеспеченным и благополучным в материальном отношении. И третий, «Денежный», кластер, акцентирующий деньги в качестве основы благополучия, оказывается самым молодым и наименее материально благополучным.

Деньги как один из ресурсов благополучия

Как указывалось выше, основой изучения субъективного благополучия выступает понятие удовлетворенности. Именно на оценке удовлетворенности различными аспектами жизни построены методики измерения субъективного благополучия. В анализируемом исследовании реализован новый подход: он подразумевает оценку не удовлетворенности, а достаточности тех или иных благ, материальных и нематериальных составляющих жизни, чтобы человек мог чувствовать себя благополучным. Итоговый вопрос, который задавался респондентам в ходе опроса, был сформулирован следующим образом: «Как часто вам не хватает чего-то из перечисленного для того, чтобы чувствовать себя благополучным? Речь идет не о том, что у вас есть, а чего у вас нет, а о том, чего, по вашим ощущениям, вам не хватает». Каждую из 20 позиций респонденты оценивали по трехбалльной шкале, на которой «3» означало «постоянно хватает», «2» – «иногда хватает, а иногда не хватает», «1» – «всегда хватает». Для респондентов, которые могли бы испытать трудности с оценкой, был предусмотрен вариант «я не задумывался об этом».

В отличие от предыдущего вопроса, ответы на который кластеризуются в смысловые модели благополучия, вопрос о достаточности разных составляющих жизни может быть использован для определения разных типов благополучия, различающихся оценкой достаточности определенных ресурсов. Переменные этого вопроса были подвергнуты анализу методом главных компонент, с вращением квартимакс, в результате которого было получено 5 факторов. Из списка был исключен пункт «жить по совести», коэффициент извлечения которого в таблице общностей равнялся 0,397 (это наименьшее значение). Удаление этого пункта повысило долю объясняемой дисперсии с 58,08 до 59,8%. Компоненты и их нагрузки представлены на рис. 3.

Рис. 3. Распределение факторов в пространстве характеристик благополучия

Первый фактор, который мы назвали «Сбалансированный», означает такой тип благополучия, в котором взаимосвязанными оказались оценки по эмоционально-этической составляющей жизни. Это тип благополучия, построенный на оценке достаточности таких составляющих, как мудрость, справедливость, оптимизм, удача и пр. Следует отметить, что данный тип благополучия включает и здоровье. Второй фактор, который назван «Образованным», соответствует типу благополучия, построенному на основе жизненного опыта, знаний, образования и квалификации. В основе третьего типа благополучия, «Общительного», лежит коммуникация с близкими и друзьями. Четвертый тип благополучия ассоциирован с семейной жизнью. И в пятом типе благополучия, «Обеспеченном», зафиксирована взаимосвязь двух материальных ресурсов – денежных и жилищных.

Какие деньги («оценочные» или «реальные») имеют значение для благополучия?

Данные исследования позволяют выделить три вида денег, имеющих значение для благополучия. Во-первых, это деньги как часть представлений о благополучии. Во-вторых, это деньги, которые оцениваются респондентом с точки зрения их достаточности для того, чтобы он мог чувствовать себя благополучным. И в-третьих, это реальный доход, получаемый респондентом и (или) его семьей. Задача заключается в том, чтобы выяснить, какие именно деньги («оценочные» или «реальные») оказываются более весомыми для субъективной оценки благополучия? Чтобы ответить на этот вопрос, построим модель линейной регрессии с пошаговым включением, в которой зависимой будет выступать переменная с ответами на вопрос о благополучии. В качестве независимых выбраны следующие группы переменных:

- пять переменных со значениями компонент («Сбалансированный», «Образованный», «Общительный», «Семейный» и «Обеспеченный»);
- дамми-переменные, каждая из которых соответствует одному из трех кластеров («Семейный», «Сбалансированный», «Денежный») и принимает значения «1» или «0»;
- переменная логарифмированного семейного дохода;
- пол респондента;
- возраст респондента (число полных лет).

В таблице 2 представлены параметры и коэффициенты итоговой модели, в которую вошли восемь переменных. Три переменных, значимость которых превысила 0,05, были исключены (это «Общительный» фактор, а также «Семейный» и «Сбалансированный» кластеры).

Таблица 2

Результаты регрессионной модели

Переменные, включенные в модель	Стандартизованный β -коэффициент	t	Значимость
«Сбалансированный» тип благополучия	0,335	27,915	0,000
«Обеспеченный» тип благополучия	0,287	23,475	0,000
Логарифм общесемейного дохода	0,203	16,384	0,000
Возраст респондента (число полных лет)	-0,143	-11,316	0,000
«Семейный» тип благополучия	0,067	5,586	0,000
«Образованный» тип благополучия	0,062	4,971	0,000
«Денежный» кластер	-0,046	-3,826	0,000
Пол респондента	0,046	3,790	0,000
Показатели качества модели			
Скорректированный R2	0,316		
Коэффициент Дурбина-Уотсона	1,977		

Как следует из таблицы 2, все три переменные, обозначающие деньги разного типа («оценочные» и «реальные»), оказались включенными в итоговую модель с разным весом. Наиболее весомым из них для

субъективной оценки благополучия стал «Обеспеченный» фактор, т. е. такой тип оценки собственных ресурсов, в котором наиболее взаимосвязанной является совместная оценка денежных и жилищных ресурсов. Логарифм реального семейного дохода уступает «Обеспеченному» фактору по значению β -коэффициента. Это означает, что не столько «реальные» деньги важны для субъективной оценки благополучия, сколько оценка их достаточности в сочетании с жилищными ресурсами. Как видим, частью итоговой регрессионной модели стал и «Денежный» кластер. Значение соответствующего ему β -коэффициента невелико и имеет отрицательный знак. Скорее всего, не столько смысловая нагрузка кластера, сколько собственные ему параметры (прежде всего, низкая самооценка материального благополучия) обуславливают отрицательное значение β -коэффициента.

Исходя из того, что «Семейный» и «Сбалансированный» кластеры были исключены из итоговой модели регрессии, можно сделать вывод о том, что смысловые модели благополучия не значимы для субъективной оценки благополучия. Иными словами, значимо не то, каким именно благополучие представляется, какие смыслы вкладываются, а то, взаимосвязь каких составляющих жизни в их субъективной достаточности становится основой благополучия. В этом смысле показательно то, что «Сбалансированный» тип благополучия, соединивший в себе взаимосвязь оценок «нематериальных» составляющих жизни, оказался включенным в модель с наибольшим значением β -коэффициента. Тогда как похожий на него смысловой кластер, в котором акцентированы нематериальные характеристики благополучия, – исключенным.

Наряду с этим, результаты множественной линейной регрессии говорят о том, что не только деньги имеют значение для субъективной оценки благополучия. Наиболее весомым показателем оказался «Сбалансированный» тип благополучия, т. е. такой, основу которого составляют взаимосвязанные оценки достаточности того, что относится напрямую к личности и здоровью и не связано с материальными и событийными условиями жизни. В целом модель регрессии позволяет выстроить своего рода иерархию факторов, различающихся по степени важности для субъективной оценки благополучия. На первом месте – «Сбалансированный» тип благополучия, на втором – факторы, связанные с доходом (причем как оценочный, так и реальный). На третьем месте – возраст. На последнем – наименее влиятельные факторы, связанные с семьей, образованием, полом и представлением о благополучии.

Выводы

Как в зарубежной, так и в отечественной социологии сложилось направление, изучающее связь субъективного благополучия и дохода. В рамках этого направления удалось выявить ряд закономерностей. В частности, установлено, что субъективное благополучие связано с доходом: более высоким оценкам благополучия соответствует более высокий доход. Однако характер этой связи не является универсальным: доход способен повышать оценку благополучия до определенной «доходной» черты, после которой оценки не улучшаются. Кроме того, связь дохода и благополучия имеет относительный характер: важен не сам по себе до-

ход, не его величина, а оценка того, насколько он соответствует текущей жизненной ситуации.

Данные исследования «Факторы социального благополучия в изменяющемся и стабильном обществах» согласуются с этими результатами. Субъективная оценка благополучия тесно связана с оценкой материального благополучия. Дизайн исследования позволил проанализировать связь благополучия и дохода по-новому, введя два новых показателя. Во-первых, были выявлены смысловые модели благополучия, в одной из которых приоритетной характеристикой являются именно деньги. Во-вторых, была произведена типологизация благополучия на основе оценок достаточности материальных и нематериальных составляющих жизненной ситуации. В основе одного выявленных типов благополучия – взаимосвязь оценок денежных и жилищных ресурсов.

Модель множественной линейной регрессии позволила определить приоритетность факторов в формировании субъективной оценки благополучия. Первоочередное место в ряду таких факторов принадлежит личности и здоровью. На втором месте находятся «доходные» факторы, на третьем месте – возраст. К числу наименее важных факторов относятся семейные обстоятельства, образовательные ресурсы, представления о благополучии и пол. Проведенный анализ позволяет заключить, что для формирования субъективной оценки благополучия доход (причем как в «оценочной» форме, так и в «реальной»), хотя и является одним из наиболее важных факторов, тем не менее уступает по значению здоровью и личностному фактору.

Список литературы

Андреенкова Н. В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5 (99). С. 189–215.

Андреенкова А. В., Андреенкова Н. В. Детерминанты удовлетворенности жизнью в России и Европе: сравнительный анализ // Дискурс. 2019. № 1. С. 67–81.

Балацкий Е. В. Факторы удовлетворенности жизнью: измерение и интегральные показатели // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 4 (76). С. 42–52.

Бенко Е. В. Обзор зарубежных публикаций, посвященных исследованию благополучия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 5–13.

Гордон Л. А. Бедность, благополучие, противоречивость: материальная дифференциация в 1990-е годы // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 5–21.

Косова Л. Б., Кларк Т. Субъективные оценки экономического благополучия и поддержка реформ // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 43–49.

Кученкова А. В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Серия: философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 2. С. 118–127.

Ларин А. В., Филясов С. В. Парадокс Истерлина и адаптация в России // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т. 22. № 1. С. 59–83. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-1-59-83

Латова Н. В. Динамика и факторы удовлетворенности жизнью россиян (1997–2017) // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 65–78. DOI: 10.7868/S0132162517120078.

Ласточкина М. А. Факторы удовлетворенности жизнью: оценка и эмпирический анализ // Проблемы прогнозирования. 2012. № 5(134). С. 132–141.

Родионова Л. А. Парадокс Истерлина в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. № 2. С. 386–393.

Смолева Е. О. Счастье и деньги: материальные аспекты субъективного благополучия // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). С. 144–166. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.10.

Сушко П. Е. Счастье и социальное благополучие в оценках россиян: проблема разграничения понятий // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1. С. 48–62. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094>

Тихонова Н. Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 19–33.

Татарова Г. Г., Кученкова А. В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 21–32.

Черныш М. Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2. С. 9–33. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407>

Шилова В. А. Субъективные оценки благополучия: теоретические основания, методологические подходы к измерению, результаты исследования // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 3. С. 136–150. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.3.6694

Dumludag D. Satisfaction and comparison income in transition and developed economies // International Review of Economics. 2014. Vol. 61. № 2. P. 127–152. DOI: 10.1007/s12232-014-0201-0

Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95. № 3. P. 542–575.

Diener E., Biswas-Diener R. Will money increase subjective well-being? // Social Indicators Research. 2002. Vol. 57. № 2. P. 119–169. DOI: 10.1023/A:1014411319119

Easterlin R. A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // Nations and households in economic growth: Essays in Honour of Moses Abramovitz. NY: Academic Press. 1974. P. 89–125.

Easterlin R. A. Income and happiness: Towards a unified theory // The Economic Journal. 2001. Vol. 111. № 473. P. 465–485.

McLellan R., Galton M., Steward S., Page C. The impact of creative initiatives on wellbeing: a literature review. Newcastle: CCE. 2012.

Saris W. E. What influences subjective well-being in Russia? // Journal of Happiness Studies. 2001. Vol. 2. № 2. P. 137–146.

Saris W. E., Andreenkova A. Following changes in living conditions and happiness in post communist Russia: the russet panel // Journal of Happiness Studies. 2001. Vol. 2. № 2. P. 95–109.

Veenhoven R. The Four Qualities of Life // Journal of Happiness Studies. 2000. Vol. 1. № 1. P. 1–39.